

Вырезка из газеты

12 июля 1987

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

ЭТИ ТРУДНЫЕ ВЕРСТЫ...

В сумрак той июльской ночи по старой Можайской дороге уходила на запад, к Перхушково, дивизия народного ополчения. Уже в Филях опустившийся на землю вечер ступевал разномастную одежду добровольцев, уравнивал разницу возрастов, и кинорежиссер Георгий Березко перестал оглядываться в поисках хоть кого-нибудь из трехсот мосфильмовцев. Невидимая пыль сушила лицо, непривычные к долгой ходьбе ноги начинали гудеть, но шаг ополченцев еще был бодр и четок, а глазам их вместо спина товарищей выдвигался людный Арбат, куда они час назад — рота за ротой — сворачивали с песни из Старокошненского переулка. Москвичи запрудили улицу, высовывались из распахнутых окон домов и, прощальным взмахивая руками, выкрикивали напутствия:

— Дайте Гитлеру московского калача, чтобы зубы обломал!

— Угостим, доволен будет, — обещали из строя.

И вот ночной марш-бросок туда, на запад, навстречу фронту. Пожилые и вчерашние школьники, навоевавшие в гражданскую — и не державшие в руках оружия, все они охвачены единым порывом, и настроение у них особое, приподнятое, как бывает только у тех, кто свято верит в правильность принятого решения. И среди них, весело перешучивающихся и бодро шагающих на запад, — он, Березко, только что с режиссером Дзигановым закончивший фильм о житомирском прорыве Первой Конной, совсем недавно со Светловым написавший последний сценарий.

Объявление о наборе в ополчение появилось на кинофабрике через неделю после начала войны, а в то утро у «Мосфильма» собрались все добровольцы — режиссеры, операторы, артисты, бутафоры, гримеры: триста человек, нагруженные вещмешками, баулами, рюкзаками, сопровождаемые женами, родителями, детьми. Едва ли кто из них предвидел, какой она будет, эта война. Но сейчас, спустя лишь несколько дней, люди стали понимать, что надо готовиться к худшему, и начинал понимать Березко, какими наивно-счастливыми были военные судьбы героев его сценария.

Где-то в Кунцеве ряды добровольцев потеряли строгие очертания, а шаг их — четкость. Старались не отставать захрамывавшие. На коротких привалах сандружиницы помогали им

переобуться, но с каждым часом все тяжелее было идти не привыкшим к походам людям, все труднее было подниматься после очередного отдыха. Так продолжалось всю ночь, а под утро, с облегчением узнав, что перед ним Перхушково, добровольец Березко без сил повалился на землю и, едва опустив голову на свой вешешок, мгновенно уснул. Рядом с ним, подкошенные сном, упали два московских грузчика. Едва отдохнув, они, помогая друг другу, построили первые в своей жизни шалаши, и сойдя разматываться летопись войны, записываясь на ленту памяти.

Все впервые. 21-я дивизия Киевского района столицы станет 173-й стрелковой дивизией и войдет в состав резервного фронта, и на Десне, в Малых и Больших Барсуках в самом начале октября бойцы ее, посланцы Москвы, впервые примут на себя удар врага. И здесь рядовой Березко сделает свой первый выстрел по живой цели, до конца осознав и преодолев его невероятную трудность.

Началось генеральное наступление немцев на Москву, с тяжелыми боями армия, ополченцы сдерживали хорошо вооруженного и обученного врага, но редели ряды защитников. До последнего патрона, до последней капли крови дрались за каждую пядь земли добровольцы, и то, что позади была Москва, делало их непобедимыми. Ополченцам Киевского района относительно повезло: с боями отступая к Туле, они сумели сохранить штаб, артиллерию, часть интендантства. Остатки пехоты вошли в рабочий город, которому предстоит стать городом-героем. Здесь заведется дорога рядового Березко, начнется путь фронтového корреспондента. Но прежде его, прикомандированного к штабу дивизии, пошлют в Москву за пополнением.

В середине октября две грузовые машины въезжали в столицу по Варшавскому шоссе. Георгий Сергеевич смотрел во все глаза — и не узнавал города, оцептывшегося противотанковыми ежами, загоревшегося баррикадами и надолбами. Мешки с песком прикрывали витрины магазинов, перекрещенные бумажными лентами стекла окон как бы кричали «Нет!» врагу. Москва приготовилась к защите, и люди ее, работая по шестнадцать часов в сутки, готовы были в любой момент

взять в руки оружие, чтобы сделать неприступными каждый дом и каждый квартал.

Оставив машины в Старокошненном, у школы, где еще в июле был штаб их 21-й дивизии народного ополчения, Березко решил заглянуть домой.

Дома Березко почувствовал, что не может спать. Без сожаления захлопнув дверь пустой квартиры, спустился в домоуправление.

— Наш жилец? — взгляделась в него женщина в телогрейке, только что прилаживавшая сбрую сумку с противогазом. — Не припомню. Березко, говорите? Да сейчас не разобрать. Домовую книгу я сожгла, мало ли что случится. Подежурить? Отчего же, конечно, можно, товарищ боец. И пост вам дадим. Есть там песок и вода... А вы умеете тушить зажигалки?

И была ночь, ночь налетов, с ослепительными пофосами прожекторов, с яростным стуком зениток и польхающими в выси разрывами. В то время уже нелегко было вражеским летчикам приблизиться к Москве, многим удавалось спастись от заградительного огня противовоздушной обороны. Но городу грозила опасность — и стоял наготове, с клещами, под беспокоейным небом Москвы рядовой Георгий Березко.

И это, и многое другое, что пережито и что предстоит пережить, вынесет он из пекла войны и опишет в своих повестях и романах. Москвичам, героям, сражавшимся на подступах к столице, посвятит он и первые рассказы, напечатанные в дивизионной газете «Боевое знамя», и повести «Красная ракета», «Командир дивизии», «Ночь полководца», и рассказы «Мужество», «Возмездие» и романы — от первого «Мирный город» до последнего, который в рукописях лежит сейчас у него на рабочем столе. И все же каждый раз, получая сигнал очередной своей книги, он будет с неудовольствием сознавать, что не сказал в ней чего-то главного. Война, Родина, Москва...

А пока — только начало битвы за Москву, за Родину. Впереди — Тула с крупнокалиберными зенитками, нацеленными прямой наводкой на фашистские танки, впереди — контр наступление на Мордвес и Венев.

**Мы наше рабочее слово
Сдержали в жестоких боях,
В горящих кварталах**

**Венев,
На снежных смоленских
полках...**

Через много лет, встретив это стихотворение в сборнике народного эпоса Великой Отечественной, он живо вспомнит, как с Ильей Аргинским, поэтом и журналистом, жарко ища слова, сколачивали из них строфы для дивизионной газеты. От недалекого ухастья пушек подрагивал чадающий язычок копилки — сплюсненной гильзы, прямо на полу, уткнувшись носом в стиб локтя, спал намаявшийся шофер, а они, с утра мотавшиеся по передовой, не могли заснуть. Их родная 173-я стрелковая, еще недавно 21-я дивизия народного ополчения, не единожды обстрелянная и потрепанная, знававшая и безысходность неравного боя, и горечь отступления, теперь громила врага, трепала его нещадно, с чувством и знанием ратного дела. Да те ли это люди, которых напутствовал когда-то людный Арбат? Вроде бы те. Правда, немного их осталось.

...Человек, напряженно сидящий на краю мягкого кресла, вдруг замолчал, и опустошенная тишина застала меж шкафов с книгами, с фигурками русских солдат всех времен. Сумрачный сентябрьский день неохотно заглядывал в занавешенные шторами окна. Человек вдруг встал, невысокий, седой, с узкой полоской стиснутых губ, быстро пересек свой кабинет и взгляделся в меня печальными глазами.

— Мне нужно сказать: я виноват перед погибшими товарищами. Поэт Дубнов, мой друг и приятель, смертельно раненный в бою, умер в госпитале от газовой гангрены. Последний раз видел я Каплана, молодого режиссера с «Мосфильма», когда он в районе Сухиничей выходил из тяжелого боя, весь черный от гари и с трофейным автоматом — знаком доблести. От разрыва сердца умер редактор нашей «дивизионки» Мирошевский, доктор наук, профессор, участник гражданской войны. Да разве перечислишь погибших? Это ведь преувеличено, что смелого пуля боится. Смелые всегда впереди, и на войне они чаще гибнут. В нашей дивизии были сорудники из институтов Академии наук, работники партийных учреждений, люди искусства. Они погибли, а я вот уцелел. Лишь легкая контузия. Я хочу, чтобы вы это выразили — все бессилие солдата, вспоминающего об участии товарищей. Ни в каких книгах об этом не расскажешь...

В. МЕЛИК-НУБАРОВ.